

Анатолий КРУГЛЯКОВ

ДВА РАССКАЗА

МСТИТЕЛЬ

Третья ночь пути подходила к концу. Не спалось. Не убаюкивало меня ни раскачивание вагона, ни колесный перестук. В голове вертелось одно и то же: а вдруг я ее увижу, подойду к ней, и мы будем целоваться, потом буду обнимать ее горячее тело. Я влюблен, ха! Смешно самому, а уж тем более смешно тем, кто меня хорошо знает. Я, Студент, влюблен, боже мой, сердце молотит и сон не идет, совсем как на отходняке после болтушки. Чем она меня так зацепила? На кой черт вообще она мне нужна? Какого дьявола я разоткровенничался с ней? Да, тогда бы еще чуть-чуть, и она бы узнала все...

Полгода назад, в начале апреля, я ехал в этом же поезде. Туда, куда еду сейчас. По тем же делам. И я нарушил одно из Правил — познакомился с молодой женщиной. Черт дернул меня тогда за язык, не иначе. Миниатюрная, изящная, с большими глазами, точеными хрупкими пальчиками. Она показалась мне графией, сошедшей со страниц книг Дюма. Не знаю, может, и правду говорят, что люди моей профессии сентиментальны.

Я сразу заметил ее в вагоне. Мне страстно захотелось познакомиться с ней, но меня держало Правило: в деловой поездке ни с кем не общаться, чтобы не засветиться. Но через несколько часов я плюнул на это Правило, и как жалею об этом сейчас! Вместо того чтобы спать, беречь нервы (они мне пригодятся для дела), я ворочаюсь с боку на бок и все думаю о ней. Как будто еду в этот город лишь за тем, чтобы увидеть ее. Идиот! Подумаешь лучше, как все сделать, как уйти, как бы не повязали: ведь большие деньги дают за большой риск. Наверняка это дело будет потруднее прошлого.

В прошлый-то раз приехал, в полночь позвонил в дверь, спросил: «Такой-то здесь живет?» Он открыл дверь, я всадил в него четыре пули. Ушел быстро, сменил шкуру, неделю на хате отлежался, потом на поезд. Пять тысяч «зелененьких» в кармане. Как по нотам прошло. Впрочем, у меня всегда так проходило, если не считать дела в Нижнем. Тогда меня спасло чудо. Засветился, на хвост сели. Страшно было. Но что поделаешь, работа. Делаю чисто, поэтому платят хорошо. Мой хозяин, Хавбек, как он мне представился при первой встрече, был всегда чисто выбрит, хорошо одет,

весь в золоте — от зубов до пальцев на обеих руках, клиентов подбирал под стать себе.

Как-то у меня мелькнула мысль: почему Хавбек? Конечно, это кличка. Спортсмен, в футбол, наверное, играл. И черт с ним. Нынче все оставшие спортивные знаменитости в криминальные структуры подались. И партнеров его я не знаю, ибо Правило гласит: много узнаешь — рано померешь. Мне остается только догадываться, что я у Хавбека не один. Кто-то уходит, кто-то приходит. И вообще, «метлу» не распускаю, потому и работаю три года, и ничего, тьфу, тьфу, тьфу... Несколько квартир у меня с обстановкой, книгами, видеодвойками. О них никто ничего не знает. Только Хавбек знает одну хату, бывал у меня, поначалу все смеялся: «Ты, Студент паршивый, читать умеешь? Это как-то не вяжется...» И тут же заткнулся. Я схватил его за горло, сдавил. Но он был здоровым, сильным, сволочь. И вел себя нагло, и унижал меня в моем же доме. Он ударил меня коленом в живот, но от мощной подсечки свалился на пол. Я поймал его руку на болевой прием, и он застучал ладонью по коврику.

— Ну, ты даешь, Студент! Когда только этому обучился? — он поднялся, поправил брюки, пиджак. — Ты уж извини, если обидел...

После этой стычки он стал меня побаиваться. А это плохо: вдруг он меня «закажет», когда на него крепко насядут. Все может быть. Поэтому я его тоже боюсь. Но удирать не хочу. Хавбек — мужик толковый. Дела плетет крепко. Видно, в том мире, где он вращался, у него много друзей, крутых парней. Наверняка за ним кто-то стоит. Раз в месяц мы с ним встречаемся у него на квартире (ко мне он перестал заходить). Он говорит, куда ехать (я работаю только по гастролям), дает фото, анкетные данные. Адрес. Дает и ключ от хаты, где можно отлежаться, устанавливает срок исполнения, дает аванс.

Обычно на фотках мужики лет пятидесяти, все в костюмах и при галстуках, морды кирпичные. Помню, один был волчина в законе. Крученный, как парагвайская веревка. Этих паханов, заправляющих сейчас в бизнесе, я бы бесплатно всех перестрелял. Так вот, этот волчина что-то за собой почуял, осторожничал. Может, кто-то за ним до меня охотился, но засветился. Из хаты он выходил редко, всегда в окружении телохранителей. Быстро сел в мерседес и был таков. Я пас его две недели. И он так мне надоел, что я плюнул на все и загнал ему швайку под лопатку на площади во время какого-то митинга. Чисто сделал, красиво ушел. Хавбек после этого начал посматривать на меня с

уважени
сволочи
шивые ж
дется ва
на мент
тем, кто

Этот
подполь
бираютс
теперь в
зэки, авт
И все во
под свой
зений со
я отказал
двадцати
сделал? Л
уже счит

Однак
взять. Ни
дется стр
дал мне
этом гор
веский д
стола, пр
желав уд

А нюх
был при
Сплю спо
Стоп!

рает соб
ее купе
ради удо
далась м
была у м
Она заму
мал я: есл
нились. Я
отпустил
смотрим
хой сча
вала меня
меня зову
своих адр
должен б
Черт во
нилось м
выпукло, ч
памяти.

Меня в
дом по ка
надцатиз
моталась

уважением и боязнью. Что там говорить, все эти сволочи нахapaли и теперь трясутся за свои паршивые жизни. И теперешнее дело опасное: придется валить мусора. Я согласился, потому что и на ментов зуб имею. Это благодаря им я стал тем, кто есть.

Этот мусор кому-то здорово мешает. У него подпольная фирма, имеет несколько хат, где собираются проститутки, наркоманы. Они же все теперь в этом поганом бизнесе — менты, бывшие зэки, авторитеты, воры в законе, целые банды. И все во власть лезут, целые города и веси берут под свой контроль. Поэтому я не чувствую угрызений совести, когда убираю их. Только однажды я отказался, когда Хавбек поручил мне шлепнуть двадцатилетнего шмарчка. Кому он помешал, что сделал? Хавбек ничего мне не сказал. Он тогда уже считался со мной.

Однако этого мусора не так-то просто будет взять. Ни удавка, ни швайка тут не помогут. Придется стрелять. Правда, Хавбек предусмотрел: он дал мне новый «Макаров», потому что прежний в этом городе был «меченый». Да и тройная такса — веский довод. Грузный Хавбек даже вылез из-за стола, проводил меня до двери и пожал руку, пожелав удачи.

А нюх меня ни разу не подводил. И фарт мой был при мне. Опыт тоже есть, нервы в порядке... Сплю спокойно!

Стоп! Какой к черту сон. В голове Елена, оттирает собой все на задний план. Помню, как мы в ее купе говорили, говорили. Она ехала одна. Муж ради удобства откупил ей отдельное купе. Она отдалась мне сразу. Мне стыдно признаться, но она была у меня первой. Она была какая-то неистовая. Она замужем, муж — военный, старше ее. И думал я: если бы она развелась с ним, мы бы поженились. Я бы без колебания оставил Хавбека. Не отпустил бы меня? Заказал? Ну, это мы еще посмотрим. Я говорил Елене о женитьбе, детях, тихой счастливой жизни. Она кивала головой, целовала меня. И вот тут я расслабился, сказал, как меня зовут, написал на обложке журнала один из своих адресов. Хорошо, что один. Все равно я не должен был этого делать.

Черт возьми, не могу заснуть. Почему-то вспомнилось мое нерадостное детство, да так ярко и выпукло, что все события так и нарисовались в моей памяти.

Меня воспитывал дядя Оли. Он был нашим соседом по карману. Мы жили на десятом этаже двенадцатиэтажного дома. Мама, стюардесса, вечно моталась туда-сюда. Отца не помню и вообще со-

мневаюсь, был ли он у меня? Как мы сошлись с Олегом Эдуардовичем? Когда она улетала, приводила меня, маленького, к нему. Я у него жил. Он за мной ухаживал, кормил, мыл в ванне, отводил в садик, приходил за мной. Я не мог выговаривать его имя и отчество, поэтому называл его дядей Оли, да так и привык.

Когда мама прилетала, она притаскивала с собой компанию мужиков и подружек. Начинили пить, танцевать, кричать. Я сидел где-нибудь в уголке и наблюдал. На меня никто не обращал никакого внимания... Потом мамочка уходила в спальню, за ней шел один из мужиков. Потом он выходил, застегивал ширинку на брюках, заходил второй, а потом и третий... И тогда я потихоньку сбегал к дяде Оли.

Не по годам я рос сметливым и сильным. Дядя Оли с детства учил меня играть в шахматы, читать и писать, так что в первый класс я пошел уже подготовленным. Он отводил меня в школу, ходил встречать. В школе от меня здорово доставалось. Классный руководитель часто вызывала маму, но ее, как обычно, не было дома. Так с первого класса и по десятый в школу ходил дядя Оли, и все думали, что он мой родной.

Как-то, роаясь в его архиве, я нашел дипломы и грамоты. Оказывается, дядя Оли в далекой молодости занимался борьбой самбо. Он вообще любил смотреть по телевизору все спортивные передачи. Мы с ним часто ходили на стадион смотреть футбол. Он даже сказал мне, что когда-то играл в первой лиге.

У него была семья, но за много лет я не видел никого. Нам было хорошо вдвоем. Дядя Оли прекрасно готовил. А после того как меня побили хулиганы, он начал учить меня приемам рукопашного боя. Мы с ним изучали по видеку, как дерутся Ван Дамм и Чак Норрис.

Примерно через пару лет я почувствовал в себе силу, а когда уложил на улице двух парней, которые пытались содрать с меня меховую шапку, то и уверенность. У меня был ключ от его квартиры. Я мог войти в нее в любое время суток. Мне он уступил диван в зале, а сам спал в маленькой комнате. В зале были установлены стеллажи с книгами — от пола до потолка, и я мог читать всю ночь, не мешая ему.

И еще одно событие. Все-таки мой дядя был разносторонним человеком. Как-то он купил пневматический пистолет.

Так вот, как-то захожу в квартиру, а дядя Оли лупит из пистолета по глиняной копилке, набитой мелочью. В магазинах никто эту мелочь не брал,

и он все эти полтинники, двадцатники бросал в глиняную кошечку.

Мы стали стрелять вместе, по очереди. Вроде какого-то соревнования получалось. Кто быстрее, кто метче, навскидку, с одной руки, с двух. Мы размолодили не один десяток копилок. Это было очень увлекательно, особенно зимой, в длинные, долгие вечера. Дядя Оли не пил и не курил. Всегда был бодр, делал физзарядку, а потом принимал душ. Он и меня приучил к этому. Он работал каким-то большим начальником, но имел возможность часто бывать дома. Он любил меня как родного сына, и я отвечал ему тем же.

Шли годы. Я окончил школу с медалью, поступил в университет. Дядя Оли вышел на пенсию. Мне нравилось учиться. Три курса юридического, как говорится, закончил за один присест.

И вот однажды к моему дяде Оли приехала взрослая дочь с пятнадцатилетним сыном. Ну, я и пошел в свою квартиру, хотя все вещи мои были перенесены к нему. Захожу я в свою родную квартиру, вижу в зале сидят трое мужиков в летной форме, играют в карты, пьяные, хохочут. В квартире дым коромыслом, грязь. На кухне горы объедков, полчища тараканов.

Зашел я в спальню. Бог ты мой! — там один из гостей, извините, с матушкой... Сгрел я этого хмыря, выбросил в коридор. Потом зашел в зал, опрокинул стол и стал вышвыривать «гостей». Один было замахнулся, но я то ли сломал, то ли вывихнул ему руку. Когда все было кончено, я вновь зашел в спальню: мать была мертвецки пьяна и вряд ли соображала, что происходит. Я принес воды и вылил на нее. Она открыла глаза, долго и непонимающе смотрела на меня. Интересно, узнала ли она меня?.. А я поднес ей к лицу кулак и сказал: «Если еще раз это будет, убью».

Я тоже давно ее не видел, хотя и живем в одном кармане; нужды в этом не было. Лицо у нее было в морщинах, волосы с проседью. Запилась. Заблядовалась. А вскоре ее самолет разбился где-то в Сибири, в горах. Погибли все. Мне принесли документы матери — обгоревшие, ну и коробочку с пеплом. Жаль, конечно, какая ни есть, а все-таки мать, единственный родной мне человек. Я все ей простил.

Когда родные дяди Оли уехали, я вновь пришел к нему. Сидим мы вечером, смотрим телевизор. На кухне закипел чайник, и дядя Оли встал, сделал несколько шагов и упал. Я всполошился, уложил его на диван. «Что с тобой, дядя?» — спросил я его.

— Голова закружилась. Сахарный диабет у меня. Давление подскочило... Переутомился я... С до-

черью каждый день ссорился. А сын у нее, мой внук-то, настоящий акуленок. Все у меня перевернулось, деньги, монеты старинные, золото — все увел. Давили на меня, чтобы я подготовил дарственную на квартиру внуку. А меня дочь решила в дом престарелых устроить. Только ничего у них теперь не получится.

— Может, врача вызвать? — кивнул я на телефон, пораженный рассказом дяди Оли.

— Не надо, Игорек, отлежусь. Принеси-ка мне аптечку... Стар я уже стал. Как на пенсию вышел, так болезни стали ко мне липнуть.

Дядя Оли принял лекарства, потом стал повеселее: «Испугал я тебя? Все теперь хорошо...» А я подумал: «Ну и дай-то бог, что бы я делал без дяди Оли!»

Однажды я зашел к нему поздно вечером. Вижу его сидящим в кресле. Одной рукой он держался за бок, второй — за живот. Он стонал и плакал.

26 Впервые в жизни я вижу его таким. У меня самого комок подкатил к горлу. — Ты что, дядя, кто тебя обидел? — спросил я настороженно.

Встать он не мог. Я перенес его в спальню. И снова принес воды, аптечку. Кое-как он успокоился и рассказал мне такую историю.

Получил дядя пенсию, взял сумку и поехал в центральный универсам за продуктами. Накупил и пошел к остановке. Он еще не оправился после визита дочки с внуком: давление его плясало то вверх, то вниз. Ну идет он, слегка качнется то влево, то вправо. Около самого автобуса его подхватили под руки два мента и втолкнули в газик. Привезли его в медвытрезвитель. Он стал доказывать, что болен, что абсолютный трезвенник, но его и слушать не стали. Врачиха с крысиной мордочкой завопила:

— Все вы тут трезвые, все вы тут больные! Пьянь несусветная. Если у тебя, старый хрен, диабет, то какие таблетки жрешь?

Дядя ничего не успел ответить, как здоровенный мент схватил его за горло, и дядя потерял сознание. Очнулся он уже раздетый, в большой камере, где на кроватях лежали пьяные, человек десять. Он встал, подошел к решетке, стал просить мента, который ходил по коридору и время от времени пинал лежащих вдоль стен бомжей. Те взвизгивали, а ему было смешно. Подошел здоровенный мент.

— Выходи, Романов. одеваться. Хмель-то прошел?

— Вы отлично знаете, что со мной вышла «осечка», так хоть имейте совесть признаться. Извинились бы...

Когда дядя оделся, ему подали квитанцию за «услуги»: семьдесят тысяч рублей. Он расплатился, но в бумажнике не оказалось еще ста.

— За
обокрали
нимаю гл
дочке. —
Тут его по

— Пог

Они пр

мента —

ками, как

циональн

чали изб

Чем бы

торый сид

чал, навер

что старик

лись, выш

Приме

вывели на

— Спа

бы замер

— Вор

— Иди

падайся, —

Когда д

мне закло

пить со ст

то они не

Три ме

мил, купа

чей. Мне

страдал ф

за то, что

богатство

богатство

кая жизнь

зачем был

Я хотел

заявление

это беспол

мундира»

ственного

не мог. Я

зрел свой

Я раз з

смотрел в

он ходит п

как гестап

коршуном

сал на дер

в этих дей

у меня все

ненормаль

не то от в

такого чел

— За что вы с меня деньги взяли? Да еще и обокрали. Я буду жаловаться. А от диабета я принимаю глинил, — обратился он к крысиной мордочке. — Неужели не видите, что вы ошиблись... Тут его похлопал по плечу здоровенный мент.

— Поговорить надо.

Они прошли в коридор. Тут его схватили два мента — здоровенный и маленький с черными усами, как потом оказалось, шофер кавказской национальности. Они затащили дядю в камеру и начали избивать ногами.

Чем бы дело кончилось, если бы не парень, который сидел на корточках в углу камеры. Он закричал, наверное, на все помещение: «А... ну-а-а! За что старика пинаете, менты поганые!» Те остановились, вышли из камеры.

Примерно через час, когда дядя очнулся, его вывели на улицу. Крысиная морда вслед крикнула:

— Спасибо бы сказал, что услугу оказали. Так бы замерз где-нибудь, сморчок!

— Ворюги и гестаповцы, — огрызнулся дядя.

— Иди домой, старый хрен, да больше не попадайся, — напутствовал дядю мент.

Когда дядя Оли рассказал мне все до конца, во мне заклокотала ярость. Как они могли так поступить со старым и больным человеком. Молодых-то они не трогают, боятся.

Три месяца я ухаживал за дядей. Готовил, кормил, купал, делал массаж. Оплачивал визиты врачей. Мне было больно видеть, как он мучился и страдал физически и морально. Как ему отплатили за то, что всю жизнь вкалывал, создавал, умножал богатство страны. И где теперь эта страна, где богатство? Все скуплено, разворовано. Человеческая жизнь не стоит и ломаного гроша. Ну, зачем, зачем было пинать-то?

Я хотел было нанять адвоката и подать на них заявление в суд. Но, поговорив с ним, понял, что это бесполезно. Они не дадут своих в обиду: «честь мундира» превыше всего. А где искать того единственного свидетеля? Но и оставить это дело я тоже не мог. Я долго думал, размышлял, и у меня созрел свой план.

Я раз за разом ходил к этому вытрезвителю, смотрел в окно. Видел этого мента-верзилу, как он ходит по комнате весь в черном, с дубинкой, как гестаповец. Когда привозили очередного, он коршуном набрасывался на него, на жертву. Бросал на деревянный топчан, срывал одежду. И было в этих действиях столько злобы и жестокости, что у меня все внутри похолодело, этот мент был явно ненормальный. Его продолговатое лицо искажалось не то от внутренней боли, не то от гнева. Ну, как такого человека можно держать в милиции?

Или там нужны такие психи? Стал я за ним следить. На это затратил месяц. Спешить мне было некуда. Я не один раз ходил за ним следом, знал, где он живет. Однажды поговорил с подслеповатой старушкой. Причем я тоже сыграл роль старика, нашел на мусорке драное пальто, такую же шапку, наклеил усы и бороду. Как-то достал из почтового ящика письма, прочитал их, заклеил и бросил обратно.

Словом, я знал о нем много. Да, он был в Чечне, контужен. Семейная жизнь у него не клеилась. Он часто ссорился с женой, запрещал ей встречаться и разговаривать с соседями, приходить к ним и приглашать к себе. Детей у них не было. Его жена работала медсестрой, часто не ночевала дома. И он злился, ругался с ней. Может, ревновал, черт его знает. Необщительный, хмурый, он проходил мимо сидящих на лавочке старушек и ни с кем не здоровался. В общем, его не любили соседи.

27

План был прост. Я знал, что глубокой осенью, когда рано темнело, от двенадцати до часу ночи он приезжал домой из своей вытрезвительки на ужин. Вот я и пришел после двенадцати в подъезд. У меня был великолепный, восточной выделки узкий стилет. Его я давно приметил у дяди Оли. Кинжал лежал в посеребренной кобуре за книгами в зале: видимо, дядя забыл о его существовании. Это было прекрасное холодное оружие с рукояткой из слоновой кости, инкрустированное серебром. И потом этот клинок, тщательно промытый, оказался на прежнем месте.

Милицейский газик остановился, из него вылез Вовчак, что-то сказал шоферу. Когда он вошел в подъезд, я с первой ступеньки всадил ему клинок по самую рукоятку. Он даже не хрюкнул. Вот так, сволочь, зачем пинать-то деда было. Вышел я из подъезда. Рядом стоит газик с работающим двигателем. За рулем кавказско-азиатский мент. Тот самый. Я схватил его за шиворот и выволок из кабины, швырнул на землю.

Я бил и бил его ногами. В свете фар было видно, что его лицо превратилось в месиво. Когда он затих, я перевернул его, подтянул ноги к затылку и услышал, как хрустнул позвоночник. Вот так, сволочь, зачем было деда пинать!

Дядя Оли, можно сказать, поправился. Он уже легко передвигался по квартире, возобновил физзарядку. Но был каким-то озабоченным.

— Что с тобой, Олег Эдуардович? Дела пошли на поправку, жив, здоров, как говорится, радоваться бы надо.

— Это, конечно, хорошо. Но вот денег нет, и продукты кончились, пенсии нет, и ведь три меся-

ца как не несут, хоть иди с шапкой к магазину и проси милостыню. Или копайся в помойках, как некоторые...

— Забыл я, дядя, — сказал я. — Пока ты болел, я пенсию твою получал, продукты кое-какие покупал. Прибрал я твои деньги, сейчас принесу.

Я пошел в свою квартиру, взял деньги из коробки, куда их мать складывала и никогда не считала. Разве я мог допустить, чтобы дядя Оли побирался! Принес ему деньги, он как-то подозрительно на меня посмотрел.

— Ты, Игорек, посиди, а я сейчас по магазинам пронесусь. Да и давно не был я на свежем воздухе, — бодро сказал он, оделся и вышел.

А я подумал: вот старина удивится, когда получит пенсию за три месяца. Но меня уже здесь не будет. Я написал ему записку, что уезжаю продолжать учебу в столице, оставил ему ключи от своей и его квартир, пообещал, что буду писать. Извинился, конечно, за скоротечный отъезд: мол, времени нет и все такое, документы и кое-какие вещички я давно приготовил...

Сажу в маленьком уютном кафе, пью кофе. Неделю я хожу и никакого толку. Но сегодня должно все решиться, мусор мой ничего не чуял: ему, наверное, и в голову не могло прийти, что его пасут. Вчера у меня была возможность «замочить» его, когда он задержался на работе и пошел дворами домой. Я направился было следом, но передумал. Райотдел недалеко, услышат выстрелы. Решил подождать, и правильно сделал: сегодня прошел за ним от его ментовки до театра, где он купил два билета. Спектакль заканчивается в половине одиннадцатого вечера. От театра до его дома пятнадцать минут ходьбы, и я встречу их у подъезда.

Выхожу из кафе, еще раз набираю номер его квартиры. Трубку никто не берет. Они еще в театре. Тоже мне, опер, несколько дней его пасу, а он не замечает. Уверен в своей силе и безнаказанности. Ведь наверняка он снимает «пенки» с игорных домов, где собираются проститутки и наркоманы. Ведь узнали же об этом его конкуренты.

Свою Елену я так и не увидел. Ходил по магазинам, по базарам, музеям, был и в картинной галерее. Почему я дал ей свои кое-какие координаты, а ее адрес не записал? Мне уже стало казаться, что она — плод моего воображения. Она мне приснилась в поезде, вот и все! Да, я дал ей один из своих адресов, имя, но ведь настоящую-то фамилию я ей не сказал. У меня немало запасных вариантов. Значит, из сердца вон!

Без пятнадцати одиннадцать. Четыре пятиэтажные коробки замкнули собой темный двор. Сажу

на лавочке, расставив ноги, спрятав лицо в ладони. Я ничего не вижу, но слышу хорошо. Процокали женские каблучки, проехала машина. А вот идут двое, о чем-то тихо разговаривают. Они прошли мимо меня. Я поднялся, выдернул «Макара». Он как раз пропускал женщину вперед и, услышав щелчок предохранителя, обернулся. Лицо его сделалось белым-белым. Я выстрелил ему в переносицу, из затылка на женщину брызнула кровь, а мент сразу свалился на крыльце.

Меня вдруг парализовало. Расширенными от ужаса глазами на меня смотрела Елена. Я нашел ее. Она смотрела на меня безумно, а потом дико закричала. Ну зачем она закричала! Ведь она узнала меня! Она кричала и кричала, и ее вой заставил меня очнуться, вернее, не меня, а другого, живущего во мне. И тот, другой, пулю за пулей сыпал в нее до тех пор, пока она не затихла.

У меня был запасной паспорт. Я сел на самолет, полетел в город, откуда приехал сюда на поезде. Прямо с самолета в полночь пришел к Хавбеку. Позвонил. Я знал, что в подъезде установлены микроскопические камеры, и он сейчас смотрит на экран, кто же к нему пожаловал в столь поздний час. Наконец раздался щелчок, дверь распахнулась. Я вошел в холл, и дверь сразу же захлопнулась за мной. Он сидел за столом и вроде бы читал журнал.

— Зачем приехал, гаденыш? — зарычал он. — Зачем ты дал той шлюхе свой адрес? Как тебя звать, величать. Да я сам не знаю, кто ты такой, откуда взялся. Хату твою уже пасут. Хвоста за собой притащил? — Он кричал на меня, его щеки лоснились от жира и пота: — Схватят, всех заложить, гад ползучий. Ты забыл Правило!..

— Плевать я хотел на твои Правила. Выкладывай «зелененькие», и я сливаю отсюда.

— Зачем тебе деньги, ты уже мертвец. Ты заказан. На эти деньги мы устроим твои похороны, а это тоже предусмотрено Правилами.

— Видел я тебя и твоего киллера в гробу в белых тапочках. Выкладывай «баксы», — я выхватил пистолет. — Ну, Хавбек, не испытывай мое терпение. Стреляю я, сам знаешь, без промаха и вмиг сделаю в твоей черепушке дырку.

Хавбек позеленел. Он понимал, что если киллер выхватил пистолет, то шутки плохи. Он отодвинул журнал в сторону, взял из-под него пачку долларов, кинул мне под ноги. Знаю я этот прием. Сунув пистолет за пояс, сделал вид, что наклоняюсь за деньгами, сам краешком глаза наблюдаю за ним. Вот он дернул ящик стола и сунул туда руку. Я отчаянным прыжком перемахнул через

стол и ок
рукой ше
пистолето
гами, пыта
мешали. Я
его руку
нажал на
затрелился
На пышны

Я собрал
шел из ква
второй хат
не пошел,
Двухэтажн
да. Наверн
этой хате.
Надо изба
Иначе моя
мар. Хоть
Канарах...

Вот и мо
противопол
окна. Чер
окне слабе
лер закури
свет, и кил
нутся выстр

Из моего
куртке, с
киллер. Ко
где я стоял
мне ничего
Голова у не
на тротуар
Неделю я
заплатил за
ночевал. П
одежду, пр
мне хочет
А вот увиж

Когда Гр
сточном Н
сти» (а он б
телефонный
мал он. —
назад как у
нуты к ней
— Генри
ко она наз

ладони. оцокали вот идут прошли ра». Он лав щел- о сдела- ереноси-, а мент

стол и оказался у него за спиной. Обхватив левой рукой шею Хавбека, правой поймал его руку с пистолетом. Он попытался вырваться, молотил ногами, пытаясь зацепить меня, но ножки кресла ему мешали. Я прямо-таки втиснул его под стол. Согнув его руку с его же пистолетом, поднес к виску и нажал на курок. Пуля попала в висок. Все, Хавбек затрелился, ай-яй. Кому теперь добро достанется? На пышные похороны хватит, еще и останется.

Я собрал все деньги, которые у него были. Вышел из квартиры. Такси я брать не стал. Шел ко второй хате, в которой я иногда ночевал. В первую не пошел, раз там менты, Хавбек врать не будет. Двухэтажный дом старой постройки на краю города. Наверняка Хавбек проследил меня и знал об этой хате. Вот в ней-то и поджидает меня киллер. Надо избавиться от него во что бы то ни стало. Иначе моя дальнейшая жизнь превратится в кошмар. Хоть где найдет — в Париже, Лондоне, на Канарах...

Вот и мой дом. Глубокая ночь. Я зашел в подъезд противоположного дома, стал ждать и смотреть на окна. Через пару часов, почти под утро я уловил в окне слабенький огонь, просто отблеск. Ага, киллер закурил. Занервничал? Ведь скоро будет рассвет, и киллер это понимал, ему не уйти, если начнутся выстрелы. Что же, подождем еще.

Из моего подъезда вышла девушка в модной куртке, с сигаретой в зубах: я сразу понял, что это киллер. Когда красавица поравнялась с подъездом, где я стоял и уже держал пистолет двумя руками, мне ничего не оставалось, как нажать на курок. Голова у нее дернулась, и она кулечком свалилась на тротуар. Все, сволочь, легких денег захотелось?! Неделью я прожил у стариков. Снимал у них угол, заплатил за полгода вперед, но ни разу там не ночевал. Потом купил у него, дедушки, старую одежду, прибарахлился и пошел на вокзал. Ах, как мне хочется увидеть дядю Олега Эдуардовича! А вот увижу ли...

ПОЛЕТ В НИКУДА

Когда Григорий Федорович, как звали его в Восточном НИИ, досматривал по телевизору «Новости» (а он больше ничего и не смотрел), раздался телефонный звонок. «Это Лара, — сердито подумал он. — Ну что еще ей надо...» Она пару часов назад как ушла от него. Она уговаривала его вернуться к ней.

— Генрих, что ты один будешь делать? — только она называла его настоящим именем. — Как

жить будешь, кто тебе еду приготовит, стирает белье? В такое трудное время ты бросил нас!..

— Ничего я не бросил. Хочется побыть одному, привести мысли и дела в порядок, — он кивнул на стол, заваленный папками и книгами. — А сколько тут авторских свидетельств и патентов. Больше года ни к чему не притрагивался. И доклад на ученый совет надо написать, и письма кое-куда отправить.

— Генрих, кому нужно сейчас все это? Нас бросил... И если разбежимся, не выживем. Вот что главное!

Генрих Фридрихович промолчал, уставился в телевизор, давая понять, что разговор на эту тему окончен. Лара поднялась с дивана, застегнула на пуговицы свою норковую шубку, сказала:

— Пошла я... Если что, звони. Спокойной ночи.

И вот звонок не умолкает. «Какая же ты упрямая, — чертыхнулся он, — но и я упертый. Сейчас скажу тебе пару ласковых». Он снял трубку.

— Папа, наконец-то, — воскликнула дочь. — Мама умерла. Ты слышишь меня, — всхлипнула она. — Слышишь! Чего же молчишь!

Он стоял и не знал, что сказать. Это неожиданное известие оглушило его. Как же так? Поллюбовно договорились, поллюбовно разошлись. Разменяли квартиру. Ему досталась однокомнатная квартира, жене и дочери — двухкомнатная. И деньги им еще остались немалые. Он все завещал дочери — студентке технического университета. Жена в общем-то осталась довольна. И вдруг такое...

— Слышу, Катенька, слышу, — пришел в себя отец, — как это произошло? И где же сейчас она?

— В морге... Случился сердечный приступ. Я вызвала «скорую». Через час позвонили: не довезли, — плакала дочь.

— Успокойся, Катенька. Я сейчас позвоню кое-куда. Приезжай завтра в институт. Мы привезем ее туда. Все!..

Он позвонил Ларе, тут же мелькнула унылая мысль: «Как в воду смотрела, пришлось-таки...» Ответил Михаил Михайлович Устюжанин (его почему-то звали «Утюгом»).

— Лара в ванне. Хирш, что у вас там случилось? Пришла вся в слезах.

Трубку перехватила Лара, она и в самом деле ждала от него звонка.

— Генрих, я тебя слушаю...

— Мне сейчас позвонила дочь... — спазма сжала горло, сдавило грудь, и он еле договорил, — Екатерина Карловна умерла. (Дочь тоже звали Екатериной.) Ты обзвони всех. Утром приезжай...

Он положил трубку, вынул вилку из аппарата:

никого не хотелось ни слышать, ни видеть. Он знал: Лара сделает все, как надо.

Закололо сердце. Он выпил прямо из графина воды, лег на диван. И сразу перед ним стали возникать картины пережитого.

Вот и закрылась целая глава его жизни. Все лучшее осталось позади. Впереди — неизвестность, пустота. Как нелепо все получилось. Кто виноват в разрыве? Он не питал никаких надежд на примирение с женой, но сознание того, что жена и дочь живут в одном городе с ним, придавало ему силу, уверенность в себе, чувство ответственности и долга за воспитание дочери. Как теперь жить дальше? Этой постылой жизнью?

Дважды приходила Екатерина Карловна к Ларе и уговаривала его вернуться домой. Ну погорячилась, виновата. И дочь скучает. Он, отец, для нее был кумиром, доктор наук, физик. Она любит его. Но Генрих Фридрихович был неумолим. Жена нанесла ему глубокую рану прямо в сердце, собственноручно ввергла его в пучину скотской жизни, и простить ей этого он не мог.

А все началось-то с пустяка. Он, заведующий лабораторией, и два его помощника — кандидаты технических наук Лара Линденау и Михаил Устюжанин — засиделись за компьютерами. Вырисовывалась интересная идея. Не хотелось отрываться. Они работали вместе несколько лет, на их счету не одна разработка, немало изобретений. Их ставили в пример всем в институте.

Вот уже ушли механики и токарь, а потом и оба научных сотрудника. Не раз заглядывала Екатерина Карловна, спрашивала:

— Вы долго еще будете сидеть? Уже поздно, пора по домам...

Но Генрих Фридрихович в который раз отмахнулся от нее. Екатерина Карловна давно начала ревновать мужа к Ларе. Этому способствовало и то, что в институте часто нашептывали ей женщины: видели-де их вместе то в столовой, то в кафе напротив, через дорогу. Конечно, Лара была красивой, сексуально соблазнительной, молодой. Одни голубые глаза и светлые волосы чего стоили! Одевалась архимодно. Ей бы не наукой заниматься, а выступать в качестве фотомодели в журнале «Плейбой». Однако ее мужчины не интересовали. Она проходила мимо их восхищенных взглядов совершенно равнодушно. Вот только Хиршбергу отдавала предпочтение. Вот это и настораживало Екатерину Карловну. А тут изо дня в день они засиживаются допоздна.

В тот день Генрих Фридрихович приехал домой около двенадцати ночи. Поднялся на лифте на пятый этаж. На огромной площадке около его двери

стоял облезлый чемодан. Он понял все. Для убедительности трижды позвонил. Дверь никто не открыл. Он взял чемодан, вышел на улицу. Была холодная октябрьская ночь. Он поднял воротник демисезонного пальто, поглубже натянул шляпу. Тут же сел в такси.

Он приехал на другой конец города, в новый микрорайон, вылез около двенадцатизатжки. Лифт уже не работал, и он поднялся на седьмой этаж пешком. Номер квартиры — девяносто девять! На его продолговатом лице с массивным подбородком появилась гримаса, что-то вроде улыбки. «Одного не хватает», — подумал.

Лара открыла дверь, посмотрела на него, на чемодан, пропустила его в квартиру. Он разделся, заглянул на кухню. Там сидел Михаил Михайлович.

— С тобой все ясно, шеф. Давай-ка присоединяйся. Работа над Приставкой продолжается...

Он прожил у Лары и Михаила Михайловича больше года. Их накрепко связала работа над Приставкой. Втроем они ездили в институт, втроем возвращались. Однокомнатная квартира была просторной, с лоджией, но выходила на северную сторону, поэтому была сумрачной и холодной.

Зима выдалась холодной. Январь был таким морозным, что дух захватывало. Они спали втроем на широкой тахте под двумя теплыми одеялами. Лара всегда ложилась между мужчинами. Они так привыкли друг к другу, что совершенно не стеснялись.

Все больше и больше Лара стала предпочитать общество Генриха Фридриховича, и не потому, что он был ее шефом. Она была из тех женщин, которые сами выбирают мужчин. Он давно ей нравился своей педантичностью, большим умом. Отправив Устюжанина в магазин, начинала обнимать и целовать его, говорила: «Генрих, докторишка ты мой, какой ты сладенький, ну иди же ко мне...»

Устюжанин любил Лару. И если он жил с ней, это не означало, что он завоевал ее сердце. Он страдал, видя, как Лара и Генрих милоются. Этот русский немец отобрал у него женщину. Неужели она не видит, что не нужна ему. Он холоден с ней, надменный индюк, а что творится в его душе, одному черту известно. Генрих всегда стоял между ними. И даже когда он занимался с ней любовью, то чувствовал нутром, что дух его витает в этой комнате.

Когда потеплело, Устюжанин приволок раскладушку и стал спать на кухне. Так-то лучше. У него была мечта голубая: заработать на последнем изобретении и купить квартирнку. Может, улыбнется счастье, и он женится на Ларе. Ведь даже ленивому видно, что она Генриху не нужна. Поэтому он никуда не уходил, все силы и душу вкладывал в

работу на
мал, что
дело, на
А Ларе да
институте
бросила с
того ее
и с отцом
навидит е

Седьм
ного НИИ
сирования
нуты. Еже
ственной
только не
дов, к губ
тельству. Л
вая» война

Каждый
хаил лома
питались о
без сахара
сбор пуст
Лара сид

Мужчин
собирался
Были врем
просто гол
мог, давал

Как-то
вовсе голо
можете гол
тому супер
выхода. Ми
лись. Один

— Хвати
А если в с
махнемся ц
денег, снял
шапку, доб
су свою...

Генрих Ф
ки, поспеш
тно. Как он
черт ему э
А шапок у
и она прине
в магазин, ку
окорочка. И
кую вермиш
перед Ларо
шее лицо, в
смеялась.

— Ну, Ге

Для убе-
кто не от-
. Была хо-
ротник де-
шляпу. Тут

, в новый
жки. Лифт
мой этаж
девятая! На
подбород-
бки. «Од-

его, на че-
разделся,
ихайлович.
присоеди-
ется...

вича боль-
д Пристав-
роем воз-
а простор-
ую сторо-
й.

таким мо-
второе на
ами. Лара
и так при-
геснялись.

дпочитать
тому, что
цин, кото-
ей нравил-
м. Отпра-

бнимать и
ришка ты
мне...»
кил с ней,
рдце. Он
тся. Этот
Неужели

ден с ней,
душе, од-
ял между
любовью,
ет в этой

ок раскла-
е. У него
нем изоб-
улыбнется
е лениво-
этому он
падывал в

работу над Приставкой. Он, электронщик, пони-
мал, что нужен группе, что без него лопнет это
дело, на которое возлагается столько надежд.
А Ларе давно нравится Генрих Фридрихович, это в
институте все видели. Возможно, из-за него она
бросила своего дряхлого муженька-ученого, за ко-
торого ее, девчонку, выдал именитый папаша. Да
и с отцом-то она порвала, как-то сказала, что не-
навидит его.

Седьмой месяц пошел, как сотрудники Восточ-
ного НИИ не получали зарплату. Из-за недофинан-
сирования многие научные разработки были свер-
нуты. Еженедельно заседал ученый совет с един-
ственной повесткой дня: где взять средства. Куда
только не обращались: к мэрам шахтерских горо-
дов, к губернатору области, в Госдуму, к прави-
тельству. А тут еще начались забастовки. «Рельсо-
вая» война в самом разгаре.

Каждый вечер Генрих Фридрихович, Лара и Ми-
хаил ломали голову над тем, как прожить. Давно
питались одним хлебом, запивая его жидким чаем
без сахара. С наступлением темноты выходили на
сбор пустых бутылок. К утру собирались. Только
Лара сидела дома.

Мужчины приносили по сумке, за день-другой
собирался мешок, а когда и два стеклянной тары.
Были времена, когда «улова» не было, и тогда они
просто голодали. Лара ходила по соседям, и кто
мог, давал в долг картошку и капусту, свеклу.

Как-то Генрих Фридрихович, когда уж стало
вовсе голодно, написал на ватмане гуашью «По-
могите голодающему ученому» и пошел к доро-
гому супермаркету. Прицепил на грудь. Стал у
выхода. Мимо проходили молодые люди, смея-
лись. Один парень остановился, сказал:

— Хватит, господин ученый, «прикалываться».
А если в самом деле выпить захотел, так давай
махнемся шапками. Не обижу. Он дал ему пачку
денег, снял с Генриха Фридриховича пыжиковую
шапку, добавил: — Приходи завтра, я тебе прине-
су свою...

Генрих Фридрихович поднял воротник дублен-
ки, поспешил к Ларе. Ему было и смешно, и грус-
тно. Как он сам-то до этого не додумался? На кой
черт ему эта шапка. Главное сейчас — выжить.
А шапок у него полно, завтра же позвонит дочери,
и она принесет какую-нибудь. По дороге он зашел
в магазин, купил хлеба, сахару, чай, соль и куриные
окорочка. И, конечно, любимую еду Лары — мел-
кую вермишель. С полным пакетом он и предстал
перед Ларой и Михаилом. Глядя на его посинев-
шее лицо, взлохмаченную голову, женщина рас-
смеялась.

— Ну, Генрих, ты молодчина, подали все-таки

голодающему ученому... Утюг тебе новую одеж-
ду принес, чтобы не стыдно было просить, — она
кинула в угол, где лежали две фуфайки и облез-
лые шапки.

Они хорошо и вкусно поужинали, а потом взя-
лись за работу. Можно сказать, что электронная
Приставка во взрывобезопасном исполнении была
готова. По крайней мере, в чертежах.

На изобретение Приставки всем троим было вы-
дано авторское свидетельство. Суть изобретения
состояла в том, что она может устанавливаться в
шахтах и лавах, на откаточных и вентиляционных
штреках. Размер ее — половина обычного дипло-
мата, может уместиться и в портфеле. Любой шах-
тер, взглянув на голубой экранчик, увидит, сколь-
ко метана в забое. Если выше нормы, прекраща-
ется работа, все уходят. Не надо ждать горного
мастера или начальника службы вентиляции, когда
они придут и своими допотопными приборами сде-
лают замер. Сколько жизней будет спасено от взры-
вов и внезапных выбросов! Приставка даже показы-
вает колебания почвы. А это тоже архиважно!

Генрих Фридрихович приехал в институт, пошел
к заместителю по науке Дьякову. Кабинеты лабо-
ратории были пусты, и его шаги отзывались гулким
звуком. А когда-то здесь было оживленно. В ко-
ридорах строились сотрудники, выходили на ули-
цу, где формировалась колонна. Шли к белому
дому областного центра стучать касками о мосто-
вую. Ничего они не «выстучали», все осталось по-
старому, если не хуже. А сейчас институт словно
осиротел.

Генрих Фридрихович накануне договорился с
Дьяковым о встрече: нужны деньги на команди-
ровки по заключению договоров на Приставку. Это
надо институту, Дьяков твердо пообещал. Он его,
Хиршберга, выдвигенец. Хиршберг отказался от
этой должности, поскольку ни хозяйственная, ни
кабинетная работа его не прельщала.

Толкнул дверь приемной. Секретарь Мария Пав-
ловна встретила его приветливо. Ведь когда-то на
этом месте сидела его жена Екатерина, а потом,
окончив политех заочно, перешла в лабораторию
анализов.

— Григорий Федорович, он ждет вас. Прохо-
дите, — мягко проговорила она. Дьяков сидел за
столом, подперев голову рукой. Он махнул во-
шедшему, показал на кресло.

— Садись, Гоша, рассказывай, — фамильярно
сказал Дьяков. — А денег, между прочим, нет...

Генрих Фридрихович подошел, но садиться не стал.

— Без ножа режешь, — он взял его за лацканы
пиджака и притянул к себе. — И какой я тебе Гоша!
Бездарный и бесполезный человечиска. Да от тебя

несет, как от винной бочки. Жируешь, а нам жрать нечего...

— Генрих Фридри-ши-хи-ши... Тьфу, не выгодно. Да отпусти, дышать нечем, — выдохнул Дьяков.

Он отпустил его, и тот плюхнулся в кресло.

— Зарплату я вам выбил за два месяца. Иди, пока кассирша на обед не ушла. А командировочные потом, когда деньги будут...

Генрих Фридрихович повернулся и вышел из кабинета. Он подошел к кассе, заглянул в окошечко. В комнатухе сидела незнакомая женщина. Она сунула ему ведомость. Он расписался, просмотрел ведомость, но фамилий своих сотрудников не нашел.

— А почему нет Лары Линденау и Михаила Устюжанина?

— Выдали только докторам, — ответила кассирша и протянула ему деньги. — Эта Лара не дочь академика?.. Сходите к директору.

— Нет, — отрубил Хиршберг. — Она дочь башмачника...

Он вновь направился к Дьякову. «Пойду и потрясу его как следует. Ну врун, ну идиот. Успел с утра нажраться». Вошел в приемную. Мария Павловна развела руки:

— После вас выскочил из кабинета, как ошпаренный. А что ему передать, Григорий Федорович?

— Да он мне пока и не нужен, — он вытащил деньги, отсчитал несколько сотенных, положил ей на стол. — Это для дочери. Позвоните Екатерине Карловне...

— Понимаю, понимаю. Я все сделаю, как надо, — сказала Мария Павловна и спрятала деньги в стол. — До свидания!

Хиршберг приехал к Ларе. Его ждали. Он рассказал своим сотрудникам, как было дело, выложил деньги.

— Сдохну, но не пойду к отцу, — воскликнула Лара.

— Надо разъезжаться, — не обратив никакого внимания на возглас Лары, добавил: — От успеха нашего мероприятия зависит наша дальнейшая работа.

Лара вздохнула, взяла деньги, пересчитала. Затем она выдала каждому определенную сумму, а оставшиеся деньги положила в стол. Генрих Фридрихович поднялся, взял портфель, сказал:

— Поехал в Кузню. Через неделю встретимся. Пока...

Лара и Устюжанин тоже засобирались.

Результаты поездок по заключению договоров на Приставку оказались плачевными. Хиршберг приехал с юга с пустым портфелем, Устюжанин — с

двумя, а Лара — с пятью договорами. А чтобы проект окупился и дал прибыль, надо пятьсот-шестьсот. Директора шахт в основном ссылались на отсутствие средств на новую технику.

А вскоре долбануло так, что всколыхнуло всю страну. На одной из южных шахт произошел взрыв метана. Погибло несколько десятков человек. Они сидели перед телевизором и смотрели репортаж о похоронах шахтеров. Сентиментальный Устюжанин не скрывал слез. Хиршберг сжал кулаки.

— А я ведь главного убеждал, показывал в забое, как работает Приставка. Деньги пожалели, а людей им не жалко. Судить их надо!..

Приехала государственная комиссия. Добралась она и до Восточного института. Вопрос один: что делает такая нучная громадина для обеспечения безопасности работы шахтеров?

На ученом совете, наряду с другими, выступил и Хиршберг. Он «уложился» в свои пять минут, которые ему были предусмотрены. Он рассказал, что сделала лаборатория за последние год-два, о последней поездке по шахтам по заключению договоров на Приставку. В заключение поведал, как живут ученые, собирают пустые бутылки... При гробовом молчании он покинул совещание, сильно при этом хлопнув дверь.

Хиршберг с Устюжаниным закрылись на кухне. Они обсуждали новый проект прибора, названный «Предсказатель», более совершенный, чем Приставка. За несколько часов он подает сигнал о надвигающейся опасности горного удара или внезапного выброса.

— Мы запатентуем «Предсказатель» в сейсмоопасных странах — в Японии, Китае, Юго-Восточной Азии, — размечтался Устюжанин. — Мое дело — начинка!

— Надо перелопатить массу информации, чтобы не изобрести велосипед, — усмехнулся Хиршберг. — Тут Лара работает. Ее знания немецкого и английского пригодятся.

На кухню зашла улыбающаяся Лара.

— Продала шубу и еще кое-какие шмотки, — она показала пачку денег, — живем, мужики. Давай-ка, Утюг, бегом в магазин. Новый год на носу, а у нас кроме булки хлеба и луковицы ничего нет!

Она вышла. Устюжанин, весь красный, сказал Хиршбергу:

— Не позволяй ей это делать. Она тебя послушает. Позор... Нас, мужиков, кормит...

— Послушает она, черта с два, — он брезгливо оттолкнул его. — Ты что, ее не знаешь? Беги лучше в магазин и не зли ее. Ты хорошо разбираешься в кибернетике и молекулярной физике, но ничего не смыслишь в женщинах.

Когда Лара. Ее тугой узел, но не засаженные привлекательности.

— Генрих

— Упал

А вот Устюжанин

— А...

тью. Пустыня душкой.

Она обхватила колени.

— Генрих

Новый

рый и ждет

чтобы отключить

так счастлива

— Как

сказал Хиршберг

выпьём.

Вдруг не

уходит в о

— Утюг

на него.

— Н-не

его жалко

— Ты что

— Н-не

уюжанин. П

Лара вс

квакающая

мент, когда

получилось

— Бери

ню. А утр

А нас всех

Устюжа

Лара обрат

му с фужер

— Ну что

дешь?

— Уймись

Лара сел

— Вот за

за мудрости

...Вновь

Хиршберг п

вая рука. В

вспомнил, ч

достал ее из

зу две табле

утро, но он

Надо написа

Когда Устюжанин ушел, в кухню заглянула Лара. Ее белые влажные волосы были завязаны в тугий узел. Глаза весело блестели. Она намеренно не застегнула халат, и ее тело соблазнительно привлекало.

— Генрих, ты меня осуждаешь?

— Упаси Бог! Делай все, что считаешь нужным. А вот Устюжанин...

— А... Утюг... Надоел он мне своей мелочностью. Пусть выметается отсюда со своей раскладушкой.

Она обняла Хиршберга за шею, села ему на колени.

— Генрих, отнеси меня на тахту...

Новый год наступил. Они уже проводили старый и ждали, когда отстучат минуты и секунды, чтобы открыть шампанское. Давно они не были так счастливы.

— Как трудно нам было, но мы выстояли, — сказал Хиршберг и взял бутылку. — За это сейчас выпьем.

Вдруг на экране появился САМ. Он заявил, что уходит в отставку и еще понес какую-то чепуху.

— Утюг, — резко сказала Лара, — помочись на него.

— Н-не могу... — захныкал Устюжанин. — Мне его жалко стало. — Пусть Хирш!

— Ты что, меня не понял?

— Н-не могу, — плакал сентиментальный Устюжанин. Пусть Хирш...

Лара встала, подошла к экрану, плюнула в эту квакающую одутловатую морду как раз в тот момент, когда он каялся за то, что у него не все получилось.

— Бери, Утюг, бутылочку, закуску и иди на кухню. А утром выметайся отсюда!.. Пожалел... А нас всех не жалко? Как мы жили, а?

Устюжанина как ветром выдуло из комнаты. Лара обратилась к Хиршбергу, спокойно сидящему с фужером шампанского.

— Ну что, докторишка ты мой, учить меня будешь?

— Уймись... Сядь! — жестко сказал Хиршберг.

Лара села, прижалась к нему:

— Вот за это, Генрих, я тебя и люблю. За силу, за мудрость и за то, что не слюняй!

...Вновь закололо сердце, да так сильно, что Хиршберг покрылся испариной, стала немать левая рука. Воспоминания сразу улетучились. Он вспомнил, что у него есть аптечка. Еле поднялся, достал ее из большой коробки, взял под язык сразу две таблетки валидола. Сразу отпустило. Скоро утро, но он так и не сомкнул глаз. Присел к столу. Надо написать кое-куда письмо. Он написал, запе-

чатал в новый конверт. «Все, решение принято и назад пути нет», — подумал, подписал конверт.

В дверь постучали, и тотчас же зазвенел телефонный звонок. Он снял трубку. Говорил Дьяков:

— Доброе утро, Хиршберг! Я послал катафалк, и скоро тело Екатерины Карловны привезут в институт. За тобой приедет директорская «Волга». Все!

Вновь раздался стук в дверь. Он поднялся, открыл. На пороге стояла Лара.

— Генрих, одевайся. «Волга» у подъезда, — Она не хотела верить своим глазам: Хиршберг вдруг поседел, морщины на лице глубоко прорезались. — Я помогу тебе...

Она надела на него свежую рубашку, галстук и костюм. На дворе март, текут ручьи. Он надел кожаное пальто и шляпу, и они вышли из квартиры.

В фойе института уже стоял гроб с телом. Вокруг на стульях сидели сослуживцы. Он подошел, взглянул на лицо жены. Оно было совершенно спокойным. Он нагнулся, поцеловал покойную в лоб, выпрямился, зашатался. Ему подставили табуретку. Больше он ничего не помнил.

На десятый день родственникам и знакомым было разрешено посещать Хиршберга. Перед обедом в палату вошла Лара. Она была в длинном просторном белом халате. Выглядела смешно, да и сама улыбалась.

— Привет, докторишка ты мой, долго еще отсыпаться будешь? А мне врач сказала, что через недельку-другую выпишут, — она села на стул, открыла пакет и стала выкладывать на тумбочку яблоки и апельсины. — В общую палату переведут...

— Спасибо, Лара. Чувствую себя прекрасно. Соскучился по работе.

— А у нас новость: Утюг ушел... Работает в охранной фирме главным специалистом. Такую замысловатую сигнализацию делает для новых русских, что мышь не проскочит. Конечно, руки-то у него золотые, этого не отнять. Деньги хорошие получает.

Хиршберг задумался: стоило ему только приболеть, как распалась лаборатория.

— Это дело временное, — сказал наконец Хиршберг. — Он вернется в науку. Верю в него: он вырастет в большого ученого. А сейчас каждому из нас надо встряхнуться, сменить обстановку.

— И еще одна новость, хорошая, — Лара просяла. — На Приставку стали приходить заявки. Очень много, даже из других бассейнов. Начальство заключило с заводом шахтной автоматики договор на их изготовление. Меня назначили главным консультантом... На время твоей болезни, разумеется!

— Прекрасно, Лара. Наконец-то. Наверное, из

правительства или из министерства поступила команда.

— Ну, Генрих, я пошла, — она наклонилась к нему, и они поцеловались в губы.

После обеда и сончас к нему пришла дочь. Отца она нашла в хорошем расположении духа. Она кивнула на фрукты, сказала:

— Эта сучка была... Маму в могилу загнала, и чуть было с тобой беда не случилась. Хорошо, обошлось...

— Зачем ты так, Катенька, — поморщился отец. — Она хорошая в общем-то женщина, да и в чем она виновата?

— Ладно, папа, оставим этот разговор, — дочь улыбнулась, — я взяла направление на преддипломную практику в Восточный институт. А руководителем моим будет господин Дьяков.

— Вон как! Да он в науке ничего не смыслит, значит, пятерка тебе обеспечена, — весело проговорил отец.

— Видно, все у тебя нормально, если ты даже так шутишь. Кстати, тебе от Дьякова большой привет. А вот письмецо из Германии, — дочь протянула отцу письмо, и тот сразу же взял, распечатал. Оно было на немецком. Он прочел, сказал: — Все, Катя, еду на родину своих предков, посмотрю, что там и как. Фирма давно меня приглашала. Изготавливает горношахтное оборудование. Я тебе потом напишу. И прошу, не надо ссориться с Ларой. Она несчастная, очень славная женщина...

— Папа, я же сказала: не будем об этом. Жизнь нас рассудит...

— Ты вот что, Катя, часиков в семь вечера подъезжай к больнице на такси. Хочу сбежать. Нет у меня времени лежать здесь... Не возражай, — запротестовал отец. — Решено. Ну, будь! Не теряй времени!

После ужина он упросил врача пустить его погулять на свежем воздухе. Одежда, вышел на улицу. Был апрель. На асфальте уже снега не было. Он увидел такси, открылась дверь, и дочь помахала ему рукой. Он подошел, сел, и машина сорвалась с места.

Объявили посадку на ТУ-154. С дочерью Хиршберг простился раньше. Да она бы и не пошла в аэропорт, зная, что с отцом будет Лара. Они стояли в толпе пассажиров, потом отошли в сторонку.

— Генрих, зачем ты туда едешь? Кому ты там нужен? Оставайся, сдай билет, пока не поздно.

— Я так решил, Лара. Если будет плохо, вернусь. Здесь остаются дочь и ты. Если будет хорошо, вызову вас. Так что ничего не теряю...

— Чувствую, что мы расстаемся навсегда. Не нужна я тебе. И никто тебе не нужен. Да, плохо нам было, но ведь сейчас-то жизнь налаживается! Этот

полет — в никуда. Он тебе ничего не принесет.

— Да я же для вас это делаю, как ты понять не можешь! Мы по горло сыты такой постылой жизнью.

— Ну что же мне-то тут делать без тебя? Умру я...

— Брось паниковать. Расстаемся на какое-то время, ничего страшного. А ты бы за это время помирилась бы с отцом. Он совсем старенький, больной!

Тень пробежала по ее лицу, глаза увлажнились, она припала к его груди. Хиршберг впервые видел ее такой, и в его душу вкралось сомнение: лететь ли? Но тут дверь отворилась, и пассажиры пошли к самолету. Он обнял ее, стал целовать лицо, глаза.

— Да люблю я тебя, Лара, ты что такая!

Она отлипла от него, и он пошел к выходу. Лара побежала на второй этаж, вышла на балкон. Вот она видит, как Генрих подходит к трапу, поднимается, закрывается дверца самолета. Вот отъехала лестница, и раздался гул турбин. Лайнер стал разбегаться и через мгновение оторвался от бетонки.

— Генрих, Генрих, я с тобой...

И почти тут же раздалась сирена «скорой помощи». Окружающие обступили молодую красивую женщину. Санитары положили ее на носилки, быстро понесли в машину. Они надеялись, что можно будет спасти несчастную.

Люди стали расходиться. Никто не заметил мужчину, стоящего в сторонке. Его тело содрогалось от рыданий. Это был Устюжанин.

Хиршберг встретился с дочерью в Берлине на симпозиуме физиков. Собственно, он все для нее сделал: и приглашение от фирмы, и визу. Екатерина и рассказала о трагической гибели Лары. И он, уважаемый, с гордой осанкой, сразу сник. Невольно слезинки выкатились из его глаз.

— Не поверила... — глухо проговорил он. — Жаль, очень жаль...

Видя, как постарел отец, чувствуя, что он страдает, она решила все простить Ларе. Спросила для того, чтобы вывести его из состояния транса:

— Папа, ты ее любил?..

Слезы высохли на его суровом лице. Подумал: «Что в нем такое есть, почему ему не верят женщины?» Хиршберг добился всего, но остался один в этой богатой стране. Что делать ему, как жить дальше? Может, права была Лара: это был полет в никуда?! Вот спросила дочь, любил ли он ее? А какое это теперь имеет значение? Однако надо хоть Катеньке сказать правду. И он ответил одним словом:

— Да.

И, как бы разгадав мысли отца, она сказала:

— Папа, ты не будешь один. Я тебя не оставляю.

г. Кемерово

Иван ПОЛУНИН

ЗАПАС О

Далеко
С медо
До пог
А пока

Так ду
Людск
Как ту
Лесна

О себе
Мне по
Есть пр
Чем ли
На зем
Цветущ
Очень
Непред

По вес
Люди х
И посм
У стан
Но рас
Обыва
Неужел
Истреб

Тот за
Истинн
Что стр
Перест

Судьба
Хлебор
Обступ
Меня п

За тече
За его
Я слеж
И на ра
И душа
Зажата
Так за
Как буд